

Архиепископ АНТОНИЙ (в миру Анатолий Сергеевич Мельников) родился в 1924 г. в Москве.

По окончании Московской духовной академии в 1950 г. принял монашество и священнический сан. В том же году назначен инспектором Одесской духовной семинарии. С 1952 по 1956 г. он — инспектор Саратовской духовной семинарии. В 1956 г. назначен ректором Минской духовной семинарии, в каковой должности состоял до 1963 г. С 1963 по 1965 г. занимал должность ректора Одесской духовной семинарии.

В 1964 г. хиротонисан во епископа Белгород-Днестровского, викария Одесской епархии. В том же году за сочинение «Жировицкий монастырь в истории западнорусских епархий (1470—1956 гг.)» он удостоен степени магистра богословия. С 1965 г. — архиепископ Минский и Белорусский.

АНТОНИЙ,
архиепископ Минский и Белорусский

ПРЕПОДОБНАЯ ЕВФРОСИНИЯ ПОЛОЦКАЯ

Приидите, любомудреннии: песньми богокрасными воспоем достохвальной и смиренней Евфросиние всечестней, осеняющее древо плода неизреченна, копанне корене Русской земли Полотска града ублажим.

(Стихира на хвалитех из службы преп. Евфросинии Полоцкой).

Очень скоро после крещения Русь взрастила в самых отдаленных землях великих подвижников и просветителей народа. Не только в годы земной своей жизни они звали ко Христу и были самым свидетельством жизни во Христе, но и по смерти своей они являлись утверждением и просвещением верных. Живя среди них, самоотверженно служа им, они духовно оставались с ними всегда.

Взрастившая преп. Евфросинию Полоцкая земля занимала особое положение среди других русских княжеств. Тесно связанная водными торговыми путями (реки: Западная Двина, Полота и др.) с другими странами и народами, она была в то же время отделена от Киевской земли малопроезжими болотами и лесами. Как показывают новейшие археологические изыскания, уже в XI в. Полоцкое княжество достигло высокого уровня экономического развития. В многочисленных городах Полоцкой земли — в Полоцке, Друцке, Витебске, Минске, Лукомле и других — процветали самые разнообразные ремесла, в осо-

бенности гончарное, кузнечное и ювелирное дело¹. В 1044 г. — всего через семь лет после начала строительства Софийского собора в Киеве — полочане начинают возводить свой грандиозный семиглавый Софийский собор и завершают его строительство в 1066 г.

Археологические данные позволяют с уверенностью говорить о довольно широком распространении письменности в Полоцкой земле. Древнейшая русская печать X в. имеет имя Изяслава Полоцкого². В Полоцкой земле, как нигде, открыто много эпиграфического материала, относящегося к XII в., — надписей на камнях, содержащих молитвенные обращения полоцких князей, например: «Господи, помози рабу своему Борису», или: «В лето 6679 (1171) мая в 7 день досиен крест сий. Господи, помози рабу Своему Василию во крещении, Рогволоду, сыну Борису»³.

Письменностью в Полоцкой земле пользовались в повседневных житейских делах. Об этом говорит берестяная грамота, найденная в 1959 г. в Витебске. Она датируется концом XIII — началом XIV в. и является письмом одного витеблянина (Степана) к другому (Нежилу) по поводу торговли⁴.

Определенная географическая особенность и высокий уровень развития Полоцка способствовали и очень ранней политической самостоятельности княжества. Здесь утвердилась своя, особая княжеская династия, начиная с Изяслава — сына св. равноапостольного крестителя Руси Владимира. В отличие от всех других русских княжеств в Полоцк в XI — первой половине XII в. никогда не посылались князья из Киева по усмотрению великого князя. С полоцкими князьями, очень беспокойными и воинственными, вынуждены были считаться великие князья киевские.

Полоцкие князья нередко отказывались принимать участие в общей обороне русских земель от половцев, хотя и давали соответствующие обязательства. Полоцкое княжество первое вступило на путь феодальной раздробленности со всеми ее тягостными и кровопролитными последствиями.

От набегов полочан не раз страдал «Господин Великий Новгород». В 1021 г. его ограбил Брячислав Изяславич, в 1066 г. — его сын Всеслав, который через три года еще раз пытался повторить грабительский набег. Всеслав не щадит и самой церковной святыни: «и колоколы съима у святыя Софие». «О, велика бяше беда в час тьи; и понекадила съима», — восклицает новгородский летописец⁵. О жестоком и неумном князе Всеславе по Руси шла молва как об оборотне — волшебнике. Само рождение его в Ипатьевской летописи приписывается «волхвованию», а мать его — жена Брячислава Изяславича, построившего Богородичную церковь в Полоцке в 1077 г., советуется с волхвами⁶. Автор «Слова о полку Игореве» говорил о Всеславе: «Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь вълком рыскаше»⁷.

¹ Подробнее см. об этом в книге Л. В. Алексеева «Полоцкая земля» (М., 1966), в которой обобщен как большой археологический материал, так и данные письменных источников.

² В. Л. Янин. Древнейшая русская печать X века. Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 57. М., 1955, с. 39—46.

³ В. П. Таранович. К вопросу о древнейших лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. «Советская археология», вып. VIII, 1946, с. 249—260.

⁴ См. Н. Н. Дроченина, Б. А. Рыбаков. Берестяная грамота из Витебска. «Советская археология», 1960, № 1, с. 282—283.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950, с. 17.

⁶ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ), т. II. М., 1962, стб. 143. В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV в. Киев, 1896, с. 239—240.

⁷ Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950, с. 26.

Язычество в Полоцке было живо и в конце XI в. Оно поддерживалось благодаря близкому соседству Полоцкого княжества с языческой Литвой. Под 1092 г. один летописец записал: «Предивно бысть чудо в Полотыске в мечте: быше в ноши тутън, станяше по улищи, яко чловець рыщуши беси... По семь же начаша в дне являтися на коних и не бе их самех видети, но конь их видети копыта, и тако уязвляху люди полотскыя и его область»¹.

Именно здесь, в Полоцкой земле, и просияла преподобная Евфросиния. Там, где жило язычество, волхования и «рыскание бесов», звучало слово покаяния и был явлен высочайший образ христианского подвижничества и просвещения. В той земле, которая одна из первых вступила на путь братоубийственных распрей, раздался призыв к христианскому братолюбию и единству. Так именно представляется нам духовное значение преподобной матери нашей Евфросинии.

Сведения о ее жизни мы можем почерпнуть только из одного источника — ее жития. Никаких летописных данных о преподобной Евфросинии не сохранилось. Полоцкое летописание не дошло до нас, и историю Полоцкой земли мы восстанавливаем лишь частично, нередко пользуясь крайне отрывочными сведениями о ней, дошедшими в летописании других земель. Житие Преподобной в том виде, который известен нам, также нельзя назвать в полном смысле древним источником. Оно дошло до нас в списках не ранее XVI в. и носит на себе явные черты риторического стиля, свойственного той эпохе. Правда, известный русский славист И. И. Срезневский упоминал о «Житии и хождении святыя Еуфросиния» по сборнику, датированному им «едва ли не XIV веком» и находившемуся в униатском монастыре св. Василия во Львове². В настоящее время об этом сборнике ничего неизвестно. Митрополит Макарий полагал, что св. Евфросиния, о которой повествует «Житие», — это именно Евфросиния Полоцкая³, тогда как В. О. Ключевский категорически утверждал, что «без сомнения — это житие Евфросинии восточной, а не русской»⁴. В связи с этим спором хотелось бы обратить внимание на заглавие памятника, в котором обозначено «хождение», что никак не могло быть связано со святой Евфросинией восточной и вполне подходило лишь к преподобной Евфросинии Полоцкой, путешествовавшей в Константинополь и Иерусалим.

Даже в самом тексте «Жития» в поздних — XVI в. — списках все исследователи единодушно усматривают несомненную древнюю основу, близкую времени самой святой⁵. Черты этой древности видны и в языке, и в исторических реалиях, неизвестных в более позднее время (например, упоминание плинфы как строительного материала)⁶. По видимому, составитель «Жития» пользовался некоторыми древними документами, неизвестными в настоящее время в отдельности. Так, рассказывая о передаче полоцким епископом Илией села Сельца святой Евфросинии, автор «Жития» приводит текст, весьма сходный с вкладными грамотами, правда, новгородского происхождения, сохранившимися в оригиналах XII в., — духовной грамотой преподобного Варлаама Хутынского (1192 г.) и грамотой князя Мстислава Владими-

¹ ПСРЛ, т. II, стб. 141.

² Донесения адъюнкт-профессора И. И. Срезневского г. министру народного просвещения. «Журнал министерства народного просвещения», 1843, февраль, отд. IV, с. 60.

³ Митрополит Макарий. История Русской Церкви. Т. III. Изд. 2-е. СПб., 1868, с. 68.

⁴ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 262.

⁵ Там же; Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стб. 176—179.

⁶ Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. СПб., 1862, с. 172—173.

ровича и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю. Именно как отрывок из такого документа звучит текст: «Се отдаваю Евфросинии место Спаса при вас, да по моем животе никтоже не посудит моего даения»¹.

«Житие» не указывает года, когда родилась преподобная Евфросиния. Ее княже имя Предслава. Отец ее — князь Георгий (Святослав) — был одним из младших сыновей знаменитого Всеслава Полоцкого. Он не получил никакого удела и потому жил в самом Полоцке при своем старшем брате — князе Борнсе Всеславиче. С самых ранних лет Предслава с великой любовью воспринимала в свое сердце Христово Евангелие и сочетала любовь к книжному учению с сосредоточенной молитвой. По словам жизнеописателя, она рано стяжала «плод молитвы». Мудрости же ее «чудился» не только отец, слава о ней разошлась «по всем градам»². В этих словах едва ли можно видеть риторическое преувеличение. Хотя мы хорошо знаем о широком распространении грамотности в древней Руси, в том числе и среди женщин, лучшим свидетельством чего являются многочисленные древнерусские берестяные грамоты, нетрудно представить себе, что особая любовь княжны к учению не могла не вызвать удивления. Отличавшаяся красотой, мудрая княжна привлекала к себе многих князей. Но все предложения о браке она отвергала. Княжна твердо решила идти вслед за Христом — «Женихом своим». Предслава надеялась, что жившая в Полоцке родственница — игуменья, вдова ее ряди Романа Всеславича, умершего в 1114 г. в Рязани, поможет ей стать монахиней³. Но и для игуменьи возраст Предславы и ее необыкновенная красота казались несовместимыми с монашеством. Видимо, постриги женщины в раннем возрасте были в то время редким явлением. И только необыкновенно глубокий разум княжны и ее высокая религиозная настроенность переубедили старую княгиню-игуменью. Несмотря на страх перед отцом Предславы («отец твоя, увидев, со всяким гневом возложит гнев на главу мою»⁴), она призвала иерея, который постриг княжну с именем Евфросиния. Некоторое время Преподобная проходила искус монашеского послушания в том же монастыре, но потом с благословения Полоцкого епископа Илии стала жить при Софийском соборе в «гольце камене», т. е. в особом помещении — келлии. Святитель Димитрий Ростовский в житии преподобной Евфросинии, помещенном в Четых-Минях, усматривает в жизни Преподобной при храме подражание древним иерусалимским девам и Самой Пресвятой Деве, также жившей при храме⁵.

По всей вероятности, в Софийском соборе Евфросинию привлекала и библиотека, из книг которой она «могла преизлиха насытитися премудрости». Монашеское подвижничество и сосредоточенность позволяли Евфросинии во всей глубине постигать и сердцем воспринимать ее. «И оттоле паче подвижнейши нача быти, собираючи мысли благия в сердца своем, яко пчела сот», — говорит об этом автор Жития Преподобной⁶.

¹ Памятники..., с. 174. Срав. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, с. 140—141 и 162—163.

² Памятники..., с. 172—173.

³ Вероятно, вдова Романа жила в древнем женском Богородицком монастыре, называвшемся «Богородица Старая»; о нем упоминает Ипатьевская летопись (ПСРЛ, т. II. М., 1962, с. 495). Остатки его построек раскопаны недавно М. К. Каргером и датируются концом XI — началом XII в. См. М. Дубровский. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. Витебск, 1894, с. 2; Л. В. Алексеев. Указ. соч., с. 139.

⁴ Памятники..., с. 173.

⁵ А. Сапунов. Житие преподобных Евфросинии, княжны Полотския, по трем редакциям, с. 47.

⁶ Памятники..., с. 174.

Любовь к учению не оставляла Преподобную. Но духовное просвещение было неотъемлемо у нее от деятельной любви к людям, от милосердия. «И начат книги писати своими руками, и наем емлющи, требующим даяще», — говорится в Житии Преподобной¹. Своим трудолюбием она открывает мудрость и другим людям. Деньги, полученные от продажи книг, написанных ею самой и нанятыми писцами, она втайне раздает нищим. В каноне преподобной Евфросинии труды ее по переписке книг поэтично уподобляются дальнему плаванию. «Издали собираючи Божественное богатство, яко далече ходя и корабль борзописчиму персты добро писала еси», — говорится в 7-й песни (тропарь 2). Этим собранным богатством Преподобная щедро делилась со всеми.

Знавший высоту ее служения и подвижничества епископ Полоцкий Илия получил однажды, согласно Житию, от ангела Божия подтверждение того, что «почивает Дух Святой на ней», и указание поставить Евфросинию во главе отдельной обители в Сельце, под Полоцком. Трижды с той же вестью являлся ангел и самой Преподобной, и потому она с радостью решила отправиться в Сельцо. Здесь в Спасской церкви издавна погребались предшественники Илии на Полоцкой кафедре. Именно в этом известном всем месте — епископском владении — и долгие годы возжечься святильник Полоцкой земли.

В Софийском соборе епископ Илия торжественно передал Сельцо Евфросинии. При этом присутствовали отец и сестры Преподобной, «четные мужи» Полоцка и сам полоцкий князь Борис. Так как Новгородская Первая летопись сообщает о смерти полоцкого князя Бориса Всеславича под 1128 г., то можно считать, что основание Спасо-Евфросиниева монастыря совершилось до этого же года².

Отправляясь в Сельцо, Евфросиния взяла с собой только книги — «все ее имение..., ими же, — по ее словам, — утешает ми ся душа и сердце веселит».

Обитель Преподобной постепенно росла и множилась. В ней постриглась сестра Евфросинии — Городислава, названная Евдокией, и ее двоюродная сестра, дочь князя друцкого Бориса — Звенислава, в постриге получившая имя Евпраксия. Сестер своей обители преподобная Евфросиния «с прилежанием» обучает грамоте. Это обучение естественно соединяется у нее с наставлением о спасении души. Неизменная радость озаряет в это время сердце самой наставницы. «Аз веселым сердцем подвизаюся учити», — говорит она³.

Созданная Преподобной женская школа — удивительное, хотя и не уникальное явление в истории древнерусской культуры⁴. Княгиня, «собравши же младых девиц неколико, обучала писанию, також ремеслам, пенню, швенню и иным полезным им ремеслам, да от юности навькнут разумети закон Божий и трудолюбие». Среди исследователей не прекращаются споры о том, насколько достоверно уникальное известие об этом у В. Н. Татищева⁵, который бесспорно располагал какими-то источниками, не сохранившимися до нашего времени. Не вдаваясь в этот сложный вопрос, отметим только здесь, что, видимо, сама по себе женская школа ни у кого не вызывала в древней Руси недоумения. Житие преподобной Евфросинии говорит о школе как бы между прочим, в связи с другими подвигами Преподобной. Родители

¹ Там же, с. 174.

² Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 22.

³ Памятники..., с. 176.

⁴ На Руси, помимо этой школы, в Киеве также монахиней, сестрой Владимира Мономаха — Анной Всеволодовной была основана в 1086 г. школа при Андреевском женском монастыре.

⁵ В. Н. Татищев. История Российская. Т. II. М.—Л., 1963, с. 95.

отдают своих дочерей в школу к Евфросинии спокойно и даже не удивляются словам наставницы о том, что она не отпустит учениц до окончания обучения. Гораздо более тревожит их возможный постриг дочерей.

Но просветительские труды преподобной Евфросинии имели также высокое духовное значение. Молитва и суровые аскетические подвиги соединялись у нее с радостью просвещения ближних. Свет духовный и свет одухотворенного знания Преподобная несла всем ищущим их, утверждая в вере себя и других. По словам канона Святой, она «на разумном камени храмину неподвижну создала» (песнь 5, тропарь 1). Видимым образом этой храмины явился построенный в обители по мысли и усердием Преподобной замечательный Спасо-Преображенский храм. По единодушному мнению историков русской архитектуры, он является вершиной полоцкого зодчества и одним из высших достижений древнерусской архитектуры вообще¹. Его зодчим был мастер Иван, который, по словам Жития, сам пришел к Преподобной, движимый внутренним голосом, повелевавшим ему: «О, Иване, востани и поиди на дело Вседержителя Спаса»².

Строительство храма продолжалось 30 недель и завершилось, по видимому, до 1161 г. В нем словно воплотилась духовная устремленность святой княгини. Мощное основание, утвержденное столпами, динамично переходит в основание купола, к которому ведет трехлопастный подъем. Этот архитектурный прием впоследствии получил развитие в знаменитом Георгиевском соборе Юрьева-Польского, а от него был заимствован при возведении в 1326 г. Успенского собора в Москве — кафедрального собора всероссийских митрополитов³. Но Спасский собор имел ряд и других оригинальных черт. Как и в Софийском соборе, в нем, в верхней его части, были устроены две келлии-гольба, в одном из которых пребывала неотступно сама преподобная Евфросиния, а в другом — ее двоюродная сестра Евпраксия. К сожалению, в настоящее время храм Спаса предстает пред нами в перестроенном виде. Первоначальный облик его сокрыт еще от внешнего взгляда. Только что начинают раскрываться и дивные фрески храма. На них видны строгие и величественные фигуры святых мужей и жен⁴, в чем-то они перекликаются со знаменитыми фресками храма Спаса в Нередицах (1199 г.). Но в целом как архитектура храма, так и его живопись — оригинальное творение, безусловно связанное с мыслями и идеалами великой и духоносной создательницы храма. В некоторых изображениях даже невольно хочется видеть образы преподобной Евфросинии (умудренный и строгий лик) и ее сестры Евпраксии (юный, открытый лик).

В 1161 г. в новопостроенный храм преподобная Евфросиния пожертвовала на престольный крест, сделанный замечательным полоцким мастером-ювелиром Лазарем Богшей. Крест был шестиконечным, как это было принято тогда в Византии. Деревянная его основа украшена 21 золотой пластиной с эмалевыми изображениями св. Георгия (покровителя отца Преподобной), св. Евфросинии (покровительницы самой Преподобной), святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, св. великомученика и целителя Пантелеимона и других святых — соответственно частицам мощей. В средней части

¹ История русского искусства. Т. 1, М.—Л., 1953, с. 317—318; Всеобщая история архитектуры. Т. 3. М.—Л., 1966, с. 585—586.

² Памятники..., с. 176.

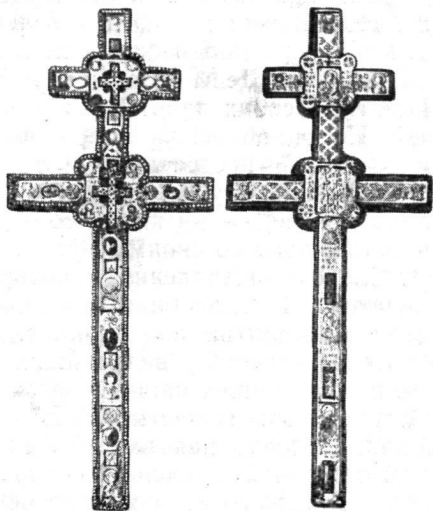
³ Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. II. М., 1962, с. 239.

⁴ А. Л. Монгайт. Фрески Спас-Евфросиниевского монастыря в Полоцке. См. сборник «Культура древней Руси», М., 1966, а также альбом «Древние сокровища Белоруссии», Минск, 1971.

ГОЛОВА НЕИЗВЕСТНОЙ СВЯТОЙ
(предположительно преп. Евфросинии)

Фреска в Спасском соборе Спасо-Евфросиниева монастыря в Полоцке

КРЕСТ ПРЕП. ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ
1162 г.

креста находился малый крест с частицей Животворящего Древа. Преподобная Евфросиния повелела сделать надпись на кресте: «В лето 6669 (1161) покладает Офросиния чьственный крест в монастыри своемъ в церкви Святого Спаса. Чьственное древо бесценно...»¹.

Помимо Спасского монастыря, преподобная Евфросиния построила Богородицкий мужской монастырь². Он также был предметом особого ее попечения. Для этого монастыря, по настоятельной просьбе Преподобной, Константинопольский патриарх Лука Хризверг прислал икону Богоматери. Она была великолепным списком с прославленной Эфесской чудотворной иконы, которую предание приписывало святому евангелисту Луке. Впоследствии, в 1239 г., икона была перенесена в Торопец княжной — дочерью князя Брючислава, сочетавшейся браком со святым благоверным князем Александром Невским³. Икона была поставлена в Корсунско-Богородицком соборе гор. Торопца. В настоя-

¹ Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII века. «Советская археология», 1957, № 3, с. 224—244.

Крест преподобной Евфросинии впоследствии неоднократно перемещался из монастыря. В конце XII — начале XIII в. он был увезен в Смоленск, где находился до освобождения Смоленска русскими войсками в 1514 г. С этого года и по 1563 год святыня была в Москве, а затем возвращена царем Иваном Грозным Спасо-Евфросиниеву монастырю. После 1928 г. крест, как величайшая художественная ценность, хранился в Могилевском историческом музее. Оттуда он был похищен немецкими захватчиками в 1941 г. В настоящее время местонахождение его неизвестно.

² Постройки этого монастыря не сохранились, однако археологические изыскания недавнего времени показали, что собор монастыря был большим трехнефным храмом с галереей, украшен фресками и майоликовыми плитками (Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, с. 211).

³ Об этом говорится в рукописном сборнике, хранившемся в Торопецком соборе (см.: свящ. Владимир Щукин. Корсунско-Богородицкий собор в городе Торопце Псковской епархии. СПб., 1894, с. 97). Существует, однако, и другое предание, повествующее о перенесении иконы в Торопец лишь в 1579 г. при приближении поляков к Полоцку (см. И. Побойнин. Торопецкая старина. М., 1902, с. 125). Икона называлась в Торопце Корсунской — не по месту своего происхождения, а, как это часто бывало, по своей древности и совершенству письма.

щее время она находится в Государственном Русском музее в Ленинграде. Новейшими методами исследования установлено, что икона является замечательным памятником византийского искусства XII в.¹ Лик Пресвятой Девы спокоен и умиротворен.

При всех своих заботах по устроению монастырей и просвещению родной Полоцкой земли преподобная Евфросиния не забывала, однако, о распрях и нестроениях — той «тьме разделения», которая все более покрывала Русь. «Не бо хотяше видети кого которающаяся, — говорит Житие, — ни князя со князем, ни боярина с боярином, ни от простых кого со своим другом, но всех хотяше имети яко едину душу»². Словом наставления, о котором как «о даре Бога» говорит жизнеописатель, Преподобная примиряла многих. О том же была и непрестанная молитва подвижницы. Эту молитву на склоне своих дней она хотела вознести у величайших святых Святой Земли, всегда неизменно привлекавших наших благочестивых предков.

Оставив свой монастырь под духовным руководством своей сестры Евдокии, Преподобная вместе с племянником своим Давидом и двоюродной сестрой Евпраксией отправляется в далекое паломничество. По дороге в Константинополь ее встречает и с почетом принимает император Мануил Комнин, шедший походом на Венгрию. Поклонившись святыням Царьграда и получив благословение патриарха на паломничество в Иерусалим, св. Евфросиния устремляется к Гробу Господню. Здесь она жертвует драгоценную кандильницу работы константинопольских мастеров, которая занимает свое место рядом с лампадой, возжженной всего несколько десятилетий назад игуменом Даниилом «от всея Русьския земли!»³.

«Прими дух мой от мене во святом граде Твоем Иерусалиме и пресели мя в вышний град Твой Иерусалим», — молится преподобная Евфросиния, чувствуя свою скорую кончину. Двадцать четыре дня в болезни, в смирении и молитве к Богу провела она в монастыре в Иерусалиме и «мая в 24 день иде в покои небесный». Это произошло в 1173 г.

Преподобная была погребена сопровождавшими ее родственниками в Феодосиевом Богородицком монастыре близ Лавры преподобного Саввы Освященного, рядом с матерью святого Саввы и святого Феодосия. Впоследствии мощи ее были перенесены в Киево-Печерскую Лавру. Источники не сохранили никаких сведений о том, когда и при каких обстоятельствах это произошло. Известный популяризатор русской церковной истории М. Толстой в своей книге «Рассказы из истории Русской Церкви» сообщает, что русские монахи, скрываясь от нашествия султана Саладина, около 1187 г. перенесли мощи преподобной Евфросинии в Аккону, откуда они были уже перенесены в Киев⁴. Автор ссылается при этом на книгу польского католического писателя И. Кульчинского «Specimen», изданную в 1733 г.⁵ Однако в этой книге нет ни малейшего упоминания о том, о чем говорит М. Толстой. И. Кульчинский излагает всего лишь распространенную в католическом и униатском мире легенду о полоцкой княжне-монахине Пракседе, отправившейся с паломнической целью в Рим, там умершей и похороненной.

¹ Н. Никифорова. Эпоха и атрибуция произведений искусства. «Искусство», 1966, № 10, с. 49—51.

² Памятники..., с. 177.

³ Житие и хождение Даниила Русьския земли игумена. Ч. II. Под редакцией М. А. Венявитинова. «Православный палестинский сборник», т. III, вып. 3. СПб., 1885, с. 128—129.

⁴ М. Толстой. Рассказы из истории Русской Церкви. Кн. I, М., 1865, с. 144—145.

⁵ Specimen ecclesiae Ruthenicae... in suis capitibus seu primatus Russiae cum S. Sede Apostolica Romana semper. Per. Ignacium Kulczynski. Romae, 1733, t. 1, p. 57.

Литовские летописи XVI в., на страницах которых впервые появляется эта легенда, без каких-либо существенных различий в каждой из них, а вслед за ними и польские хронисты конца XVI—начала XVII в. (Стрыйковский, Виюк-Коялович) пишут, что Пракседа-Параскева была дочерью полоцкого князя Рогволода-Василия, прихотившегося внуком Гинвиллу-Юрию¹. Параскева, согласно, например, одной из самых полных литовских летописей — летописца Быховца, «постриглась в монахини у святого Спаса в монастыре под Полотой и жила там семь лет, служа Богу, переписывая книги на церковь»². Нетрудно увидеть в приведенном тексте явные черты сходства с житием преподобной Евфросинии — особенно бросается в глаза упоминание о переписывании книг. Возможно, оно и послужило одним из источников легенды, в которой преподобная Евфросиния была спутана со своей сестрой Евпраксией, превратившейся в Пракседу. Но в легенде замечена не только путаница, но и сознательное целенаправленное искажение фактов. Литовский князь Гинвилл (вымышленный, как показали исторические исследования³), как прадед преподобной Евфросинии, должен был «изгнать» ее из русскокняжеского рода, а паломничество самой Преподобной в Рим — свидетельствовать о ее приверженности Католической Церкви. В период подготовки церковной унии в Белоруссии и на Украине такая «переработка» Жития столь чтимой православным народом святой вполне объяснима⁴.

Возвращаясь, однако, к вопросу о времени перенесения мощей преподобной Евфросинии из Иерусалима в Киев, вполне допустимо согласиться, что во всяком случае они были взяты из Иерусалима именно около 1187 г. Захватив Иерусалим, султан Саладин приказал христианам немедленно покинуть Иерусалим со всем их имуществом. Не было ли среди них и русских иноков, взявших с собой святые мощи своей соотечественницы и положивших их затем в великой русской святыне — Киево-Печерском монастыре?⁵

Между тем монастырь преподобной Евфросинии в Полоцке подвергался многим испытаниям. Сведения о нем вплоть до конца XVI столетия исчезают со страниц источников. Известно только, что в 1580 г., еще до печально известной Брестской унии, польский король Стефан Баторий отдал его иезуитам⁶. В 1656 г., когда русские войска временно освободили Полоцк, Спасский собор был заново освящен как православный в присутствии митрополита Крутицкого Питирима и царя Алексея Михайловича⁷. Когда Полоцк вновь отошел к Польше, в монастыре опять водворились иезуиты. Во время их владычества (а с

¹ См. А. Сапунов. Католическая легенда о Параскеве княжне Полоцкой. Витебск, 1888.

² Хроника Быховца. М., 1966, с. 39.

³ В. Е. Данилевич. Цит. соч., с. 241—244.

⁴ М. Н. Тихомиров выдвинул по поводу легенды о полоцкой княжне Параскеве иное предположение. Он допускает, что в основе ее лежит искаженная и перепутанная история с княжной Евпраксией Всеволодовной (опять-таки сходство этого имени с Параскевой), вышедшей замуж за германского императора Генриха IV. В католичестве Евпраксия получила имя Адельгейды, и под этим именем она известна в западноевропейских источниках. В них говорится о том, что Евпраксия-Адельгейда выступила против своего мужа на стороне папы и затем жила в Риме. См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, с. 365.

⁵ А. Тыртов. Некоторые пояснения к описанию жития преп. Евфросинии, княжны Полоцкой. «Витебские губернские ведомости», 1892, №№ 93—99.

⁶ В. Е. Данилевич объясняет появление мощей преподобной Евфросинии в Киеве совершенно иначе. Отбрасывая свидетельство ее Жития, исследователь выдвигает гипотезу о путешествии Преподобной не в Иерусалим, а всего лишь в Киев, где она, по его предположению, скончалась и была погребена (В. Е. Данилевич. Цит. соч., с. 241, прим. 301).

⁷ М. Дубровский. Житие преп. Евфросинии с кратким описанием основанного ею в г. Полоцке женского монастыря. Полоцк, 1887, с. 13.

⁸ Дворцовые разряды. Т. III (дополнение), прилож. 3, с. 20, 41, 45, 50, 56—66.

начала XIX в.—ордена пиаров) монастырь пришел в запустение, так что Спасский собор был даже без крыши¹. В 1835 г. этот храм был восстановлен как православный, а в 1840 г. возобновлен при нем и женский монастырь². Тогда же начались и настойчивые ходатайства духовенства и мирян о перенесении мощей преподобной Евфросинии из Киева в ее обитель³. Митрополит Московский Филарет был среди тех, кто заботился об этом. «Можно признать благословным, — писал он, — чтобы мощи преподобной Евфросинии перенесены были из Киева в Полоцк и чтобы почивали в обители, в которой она подвизалась»⁴. В 1870 г. в Полоцк была перенесена частица ее мощей, а в 1910 г.— и все святые мощи Преподобной. По пути их пронесения в городе полочане соорудили торжественные арки. На последней из них, близ монастыря, было написано: «Гряди, радости наша — преподобная Евфросиния»⁵.

Вместе с Полоцкой землей благодарно чтит ныне преподобную Евфросинию и вся Святая Русь, веря вместе с составителем Жития, что «яко миро благовонно, восходит молитва ея к Богу».

¹ М. Дубровский. Цит. соч., с. 14.

² Там же, с. 16—17.

³ Там же, с. 18.

⁴ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского. Т. V, ч. 2, с. 978.

⁵ Н. Кайгородов. О достопамятных Свято-Евфросининых днях в Полоцке 20—23 мая 1910 г. Воспоминания паломника. «Полоцко-Витебская старина». Кн. I, Витебск, 1911, с. 6.